

А. А. Косенко

Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Могилев

A. Kosenko

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic
of Belarus, Mogilev

УДК 94 (746): 351.74

ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЙ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПОЛИЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1860–1917 ГОДАХ

THE PRODUCTION OF INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION BY THE POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1860–1917

В статье рассматривается вопрос о полномочиях сотрудников общей полиции Российской Империи в части проведения дознавательской деятельности и неотложных процессуальных действий по выявленным преступлениям. Разъясняются основания введения института судебных следователей и ограничения функций полиции, анализируются требования законодательства к проведению полицией дознавательской деятельности. Также указываются типичные недостатки по проведению полицией дознаний и предварительного следствия в рассматриваемое время.

Ключевые слова: дознание; предварительное расследование; полиция; Российская Империя; преступление; проступок.

The article discusses the issue of the powers of the officers of general police of the Russian Empire in a part of carrying out inquiry activity and urgent procedural actions on identified crimes. The grounds of introducing the institution of judicial investigators and the restrictions of the police functions are explained the requirements of the legislation for carrying out investigation activities by police are analyzed. The article also indicates the typical shortcomings in the conduct of police inquiries and preliminary investigations at the time discussed in the question.

Keywords: inquiry; preliminary investigation; police; the Russian Empire; crime; misdemeanor.

Человеческое общество никогда не было и не будет идеальным. В любое время находятся люди, которые, несмотря ни на что, нарушают права и интересы иных лиц исходя из различных личных побуждений. Для защиты своих граждан любое государство на любом историческом этапе его развития создает как законы, так и правоохранительные органы, которые призваны восстановить справедливость в соответствии с действующими законами. В целях обеспечения объективного, всестороннего и мотивированного рассмотрения органами государственной власти фактов нарушения законодательства, правоохранительные органы всегда были обязаны

не только собирать доказательства фактов совершения правонарушений, но и законодательно их закреплять. Данная деятельность правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел, исторически получило название дознавательской.

Дознавательская деятельность, т. е. деятельность уполномоченных государственных правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел, по сбору вещественных и иных доказательств в целях установления и законодательного документирования факта совершения противоправных действий в отношении лиц, потерпевших от противоправных посягательств, в целях принятия соответствующих мер к лицам, нарушившим их законные права, свободы, законные интересы либо права на имущество в соответствии с действующим на данный момент законодательством по фактам совершения преступлений и (или) административных правонарушений (проступков), является и являлась одним из основных видов деятельности правоохранительных органов, как в настоящее время, так и ранее. При этом не стоит забывать, что данный вид деятельности осуществляется исключительно в соответствии с действующим законодательством и имеет строго закрепленные формы ее фиксации.

Несмотря на то что датой начала реформы полиции Российской Империи, проведенной, в том числе, и на территории белорусских губерний, т. е. Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской, принято считать 25 декабря 1862 г., т. е. день, в который были Высочайше утверждены «Временные правила об устройстве полиции в городе и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», реально первые серьезные изменения в оперативно-служебной деятельности общей полиции произошли еще 8 июня 1860 г. с принятием трех законодательных актов, а именно: «Высочайшее утвержденное Учреждения Судебных Следователей», «Высочайшее утвержденное Наказа Судебным Следователем» и «Высочайшее утвержденное Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущем заключать в себе преступление или проступок».

Данные законодательные акты имели цель «... дать полиции более средств к успешнейшему исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точное свойство и круг ее действий» [1, с. 710]. В связи с этим следственная часть законодательно отделялась от полиции, а в ведении полиции осталось только «исследование по преступлениям и проступкам маловажным, которые предоставлены разбору и суждению самих полицейских властей, а также и первоначальное дознание о происшествиях, кои могут, по связи с преступлением более важным, подлежать рассмотрению мест судебных» [1, с. 710]. Таким образом власти стремились обеспечить такие принципы правосудия, как объективность и всесторонность предварительного расследования, законность, а также защита прав, свобод и законных интересов участников

уголовного процесса. В частности, в разъяснении к ст. 249 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) бывшим Министром внутренних дел, статс-секретарем Императора графом Д. Н. Блудовым было прямо отмечено, что «изъятием следствий из ведомства полиции и установлением для производства оных особых должностных лиц судебного ведомства, которые состоят при судебных местах первой степени, в качестве членов сих судов, устранены важныя, доказанныя многолетним опытом, неудобства прежняго порядка, на основании коего следствия производились властями отдельными, независящими от суда. Для доставления следствиям надлежащей полноты и правильности, оныя должны быть подчинены постоянному надзору судебных мест, а также и прокуроров; а для устранения всякаго произвола в действиях следователя, необходимо, чтобы некоторыя важнейшия меры по следствию, были принимаемы не иначе, как с разрешения суда; но все подобныя столь необходимыя не только для порядка, но и для ограждения жителей от напрасных притеснений и беспокойств правила, могут быть в точности исполняемы только тогда, когда следователь постоянно состоит при суде» [2, с. 146].

В ведении полиции официально остались полномочия на проведение только дознания, т. е. самостоятельного проведения проверочных действий только по фактам совершения проступков и незначительных, т. е. не представляющих большой общественной опасности, преступлений. Данная функция полиции выражалась «в собрании сведений, необходимых в удостоверении том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком» [3, с. 725]. При этом было установлено, что «полиция приступает к дознанию происшествий, как по непосредственному усмотрению, так и по всякому, дошедшему до нея от частных лиц, или правительственных мест и лиц, сведению о просшествии, заключающем или могущем в себе заключать преступление или проступок» [3, с. 725].

В соответствии со ст. 250 УУС, при выявлении сотрудниками полиции деяния, содержащего признаки преступления или проступка, данная информация незамедлительно, не позднее суток, должна была быть передана судебному следователю и прокурору или его товарищу, а сами сотрудники полиции были неправомочны самостоятельно проводить какие-либо проверочные или процессуальные действия. Только в случае отсутствия судебного следователя и прокурора или его товарища сотрудники полиции получали право на проведение дознания, о результатах которого все равно было необходимо сообщить вышеуказанным должностным лицам. Право на проведение дознания возникало и в тех случаях, когда «признаки преступления или проступка сомнительны, или когда о происшествии, имеющим такие признаки полиция известится по слуху (народной молве), или, вообще, из источника не вполне достовернаго» [2, с. 116], т. е. в условиях неочевидности совершения преступления или проступка.

Однако и в данном случае полномочия сотрудников полиции оставались достаточно ограниченными. Им было разрешено использовать только такие методы, как проведение розысков, словесные расспросы и негласное наблюдение. При этом отмечалось, что «расспросы производятся полицией без особых формальностей и записываются подробно только тогда, когда в ответах опрошенного заключаются сведения, разъясняющие свойство исследуемого происшествия, а равным образом когда были спрашиваемы лица, заявившие о преступлении и проступке, явившиеся с повинною, или застигнутыя при совершении противозаконного действия» [3, с. 725]. Более того, сотрудники полиции не имели права даже на вызов в помещение полиции лиц для производства дознания. В решении Правительствующего Сената № 3 от 1883 г. было указано, что «требование (сотрудника полиции) в свою канцелярию, для допроса при производстве дознания, не могло почитаться обязательным, потому что права полиции, при производстве дознаний, определяются ... Уст. Угол. Суд., а в законах этих не только не содержится правила о вызове кого либо при производстве дознания для допроса, но, напротив, запрещается производство формальных допросов» [4, с. 12].

Никаких единообразных для всей полиции форм делопроизводства по проведенным дознаниям как таковых также не предусматривалось. Отмечалось, что «правила составления протоколов дознаний по уголовным делам имеют общий характер и одинаково применимы во (всех) частях Империи. Особые указания в этом отношении, в дополнении к закону, в его разъяснение, могут быть преподаны в местных инструкциях чинам полиции со стороны прокуроров судебных палат» [5, с. 18]. Характерно, что даже подпись опрашиваемого лица в протоколе дознания зачастую не требовалась. В разъяснениях чинам полиции указывалось, что «отобрание подписи под объяснениями на дознании заподозренных лиц и свидетелей не представляется обязательным, так как акты дознания не что иное, как своего рода памятная записка об обнаруженном полицией при первоначальном исследовании путем розыска и расспросов» [5, с. 18]. Таким образом протоколы дознания представляли собой исключительно служебные документы чинов полиции, выполнялись практически в свободной форме, и, в настоящем понимании, процессуальной значимостью не обладали. Как правило, в данных документах указывались название вида произведенного действия, дата, время и место составления протокола, должность сотрудника полиции, его составившего, описание произведенного действия и его результаты, после чего протокол подписывался сотрудником полиции [6, с. 82–88]. Все протоколы дознаний, а также обнаруженные в ходе проверочных действий вещественные доказательства в дальнейшем передавались лично сотрудником полиции, проводившим дознание, судебному следователю, после чего, при необходимости, сотрудник полиции обязан был оказывать судебному следователю необходимое содействие в проведении предварительного следствия.

Полномочиями на проведение предварительного следствия, в соответствии со ст. 249 УУС, были наделены исключительно судебные следователи. В целях оперативного реагирования на совершающиеся и недавно совершенные преступления, а также фиксирования доказательств, которые могли быть утрачены, т. е. в исключительных случаях, сотрудникам полиции на основании ст. 258 УУС разрешалось самостоятельно проводить предварительное расследование. Отмечалось, что в таких случаях «... полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям, полиция не делает, разве бы кто либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя», при этом сотрудники полиции обязаны были соблюдать «... во всей точности правила, постановленные для проведения предварительного следствия» [2, с. 117–118]. В таких случаях решение о проведении предварительного следствия должен был принимать непосредственно тот сотрудник полиции, который проводил дознание, «в форме особага постановления» [7, с. 4].

Быстрота и качество производства сотрудниками полиции дознаний и предварительного следствия, как отмечали современники, оставляли желать лучшего. В частности, указывалось, что «не совсем точное определение дознания и широкое право, предоставленное полиции, вчинять дела по непосредственному ее усмотрению, много повредило успеху учреждения судебных следователей. Полиция или сообщала судебной власти о всяком происшествии, в том только предположении, что оно может заключать в себе преступление, от чего судебные следователи теряли много времени на бесполезные разыскания, или переходила границы дознания, приступая к изследованию обнаруженного преступного деяния, и производя для сего формальные допросы обвиняемым и свидетелям, вместо того, чтобы сообщить о преступлении, ею усмотренным, судебному следователю, или же, наконец, передавала собранные ею сведения несвоевременно, так что следователь брался за дело тогда, когда следы преступления уже были сокрыты» [2, с. 118].

Не были вполне удовлетворены качеством проведения полицией дознаний и предварительного следствия и сами сотрудники правоохранительных органов. К примеру, указывалось на наличие таких недостатков, как:

«• стремление довести во что бы то ни стало заподозренного до сознания в инкриминируемом ему преступлении;

• излишняя и противоречащая существующему закону формальность допросов как обвиняемых, так и свидетелей;

• легкость... определять обвиняемого в известном преступлении и затем уже держаться по отношению к нему упорной обвинительной тенденции, мешающей безпристрастному отношению к фактам;

- смешение специальных задач полицейского дознания со специальными задачами предварительного следствия» [8, с. 2–3].

Оставалось недовольным данным направлением оперативно-служебной деятельности полиции и руководство губерний. К примеру, губернатор Витебской губернии «обратил внимание на то, что обращаемые правительственными учреждениями и лицами к полицейским управлениям и начальникам полиции... поручения о производстве дознаний по жалобам и ходатайствам частных лиц исполняются очень медленно» [9, с. 13]. Губернатор Могилевской губернии в своем приказе по результатам ревизии делопроизводства и денежной отчетности Гомельского городского полицейского управления, а также приставов Могилевской и Гомельской городских полиций также отмечал, что «производство дознаний по различным заявлениям и жалобам населения... чрезвычайно задерживается» [10, с. 558].

Справедливости ради, необходимо отметить и достаточно большую нагрузку в части проведения дознаний и исполнения входящей документации, которая выпадала в то время на чинов полиции. К примеру, в 1905 г. в Минском городском полицейском управлении, при штатной численности классных чинов полиции в количестве 35 сотрудников [11, с. 53–54], на 16 января 1905 г. оставалось неисполненными 941 документ, при этом за неделю, с 16 по 23 января, было получено для исполнения еще 2123 документа. За эту же неделю сотрудниками полиции было исполнено 2338 документов, или 76,3 % от всех, которые находились в производстве [12, л. 27]. В том же 1905 г. в период времени с 13 по 20 марта сотрудниками полиции было исполнено 2028 (79,1 % от всех находящихся в производстве) документов, а с 30 октября по 6 ноября – 1800 (59,6 %) [12, л. 83, 323]. Т. е. не трудно подсчитать, что в среднем каждый классный чин полиции в неделю рассматривал около 58,7 документа.

В 1916 г. в том же Минском городском полицейском управлении при оставшейся фактически без изменений штатной численности сотрудников в период с 26 апреля по 3 мая было рассмотрено 3116 (62,8 % от всех находящихся в производстве) документов, а с 15 по 22 августа – 3513 (78,9 % соответственно) [13, л. 189, 390]. Таким образом, количество рассматриваемых документов одним классным чином полиции за 10 лет выросло до 95 в неделю.

Естественно, что незначительные документы, которые не требовали проведения особых проверочных действий, могли быть переданы для исполнения и низшим чином полиции. Однако ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение дознаний несли классные чины полиции. К примеру, в том же 1916 г. приказом Минского губернатора № 122 от 30 апреля «...Помощнику Пристава З. П. Чешко (помощник пристава 4-й части г. Минска, коллежский регистратор З. П. Чешко), за допу-

ценную медленность в деле исполнения поручения канцелярии Его Превосходительства... о производстве дознания... объявлен выговор» [13, л. 182].

В заключение следует отметить, что правительством Российской Империи и руководством Министерства внутренних дел на протяжении второй половины XIX – начала XX в. предпринималось ряд шагов по повышению эффективности деятельности полиции. Одним из них, безусловно, являлась оптимизация функций дознания и предварительного следствия, производимых полицией. Однако, как показала практика, достаточно низкий образовательный уровень чинов полиции, который неоднократно отмечался как современниками, так и самим руководством государственных органов, отсутствие учебных заведений, дающих специализированное полицейское профессиональное образование, недостаточный уровень опыта работы по осуществлению дознаний и предварительного следствия большинства сотрудников полиции значительно препятствовали эффективной реализации данных преобразований в повседневной оперативно-служебной деятельности полиции. К сожалению, недостатки при осуществлении полицией дознавательской деятельности отмечались вплоть до исчезновения такого государства, как Российская Империя, с политической карты мира.

Список использованных источников

1. Высочайше утвержденное Учреждение Судебных Следователей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). – Т. 35. – Ч. 1: Законы. – № 35890. – С. 710–715.
2. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственною канцелярией. – 2-е изд., доп. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. – Ч. 2: Устав уголовного судопроизводства. – 554 с.
3. Высочайше утвержденный Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). – Т. 35. – Ч. 1: Законы. – № 35892. – С. 725–727.
4. Почтовый ящик // Вестник полиции. – 14.07.1911. – № 28. – С. 12–13.
5. Почтовый ящик // Вестник полиции. – 24.03.1911. – № 12. – С. 18–19.
6. Справочная книга для полицейских урядников. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1887. – 170 с.
7. Формальные акты дознания // Вестник полиции. – 24.11.1909. – № 47. – С. 3–4.
8. Дефекты полицейских дознаний // Вестник полиции. – 05.05.1909. – № 18. – С. 2–3.
9. Еженедельное обозрение // Вестник полиции. – 24.03.1909. – № 12. – С. 11–13.
10. Памятная книжка Могилевской губернии на 1909 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев: Губ. тип., 1909. – 629 с.

11. Памятная книжка Минской губернии на 1905 год / сост. Минск. губ. стат. комитет. – Минск: Типо-литогр. Б. И. Соломонова, 1904. – 404 с.

12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 300. Оп. 1. Д. 13. Приказы по Минской городской полиции с № 1 по № 365 (31.12.1904–30.12.1905 гг.).

13. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 113. Приказы по Минской городской полиции с № 1 по № 365 (31.12.1915–30.12.1916 гг.).

(Дата подачи: 09.02.2022 г.)

П. Г. Космач

Белорусский государственный университет, Минск

P. Kosmach

Belarusian State University, Minsk

УДК 973:2

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ТЕРРИТОРИИ США (1861–1865)

RELIGIOUS FACTOR IN THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–1865)

В статье рассматриваются религиозные аспекты противостояния южных и северных штатов, завершившегося Гражданской войной 1861–1865 гг. Конституруется значительная роль теистических аргументов в идейной борьбе между сторонниками рабовладения и их противникам. Показано, что как на Севере, так и на Юге страны данный конфликт воспринимался не только в светском, но и в религиозном измерении. Приведенный материал и выводы подчеркивают значительное влияние протестантизма в общественно-политической жизни США XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: религия; рабовладение; история США; аболиционизм; протестантизм.

This article examines the religious aspects of the confrontation between the southern and northern states, which ended in the Civil War of 1861–1865. The significance of role of the theistic arguments in the ideological struggle between the supporters of slavery and their opponents is stated. It is shown that both in the North and in the South this conflict had been understood not only in the secular, but also in the religious dimension. The conclusion underlines the role of Protestantism in the socio-political life of the USA in the 18th–19th centuries.

Keywords: religion; slavery; history of the USA; abolitionism; protestantism.

Гражданская война 1861–1865 гг. принадлежит к числу наиболее важных и значимых конфликтов второй половины XIX в. Вплоть до настоящего времени она считается самой кровопролитной войной в истории США, унесшей более 600 тысяч жизней. Как известно, в новейшее время разделение на Юг и Север продолжало оказывать определенное влияние на обще-